

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК

Улмасов Ж.М

*Магистрант 2 курса направления: Лингвистика (русский язык)
Ферганского государственного университета*

Аннотация: В статье рассматривается коммуникативно-прагматическое моделирование семантики русских пословиц и поговорок как способ описания паремий, учитывающий не только их образно-смысловую структуру, но и условия функционирования в дискурсе. Цель статьи – обоснование интегративной модели, в которой значение паремии раскрывается через взаимодействие пропозиционального содержания, образной основы, оценочной модальности, иллокутивной функции и адресатной направленности. Материалом послужили около трёхсот пословиц и поговорок, отобранных из авторитетных лексикографических источников. Установлено, что семантика паремии носит потенциальный характер и актуализируется в конкретной коммуникативной ситуации, а её прагматический потенциал реализуется в типовых речевых актах совета, предостережения, осуждения, оправдания и утешения. Предложенная модель позволяет описывать вариативность смысла одной и той же паремии в зависимости от контекста употребления.

Ключевые слова: паремиология; пословица; поговорка; прагматика; семантика; речевой акт; оценочная модальность; коммуникативная ситуация.

ВВЕДЕНИЕ

Пословицы и поговорки традиционно рассматриваются в лингвистике как устойчивые воспроизводимые единицы, обладающие обобщённо-образным значением и дидактической направленностью. Долгое время описание их семантики ограничивалось анализом внутренней формы, образной основы и логико-тематической классификации. Структурно-семиотический подход, разработанный Г. Л. Пермяковым, позволил выявить инвариантные смысловые отношения, лежащие в основе паремий, и систематизировать их по логико-семиотическим типам [8]. Вместе с тем за пределами такого описания нередко оставался один существенный аспект: пословица существует не как изолированная единица словаря, а как инструмент речевого воздействия, реализующийся в конкретном акте общения.

Утверждение антропоцентрической парадигмы изменило ракурс паремиологических исследований. Современная лингвистика, ориентированная на изучение языка в действии, рассматривает паремию прежде всего как высказывание, наделённое коммуникативным заданием [4]. С этой точки зрения значение пословицы не сводится к сумме её компонентов или к закреплённому в словаре толкованию: оно представляет собой потенциал, который

актуализируется лишь в определённой ситуации и при определённой интенции говорящего. Именно поэтому возникает необходимость в модели, способной связать семантическое содержание паремии с условиями её употребления, а актуальность подобной задачи определяется как теоретическими потребностями описания устойчивых единиц, так и прикладными запросами лексикографии и преподавания.

Цель настоящей статьи – обосновать коммуникативно-прагматическую модель описания семантики русских пословиц и поговорок, в которой значение паремии раскрывается через взаимодействие пропозиционального содержания, образной основы, оценочной модальности и прагматической функции. Достижение этой цели предполагает решение ряда задач: определение компонентного состава модели, выявление типовых прагматических функций паремий и описание механизма контекстной актуализации их смысла.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили около трёхсот русских пословиц и поговорок, отобранных методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников [5]. При формировании корпуса разграничивались собственно пословицы, обладающие законченной предикативной структурой и обобщающим смыслом, и поговорки, выполняющие преимущественно характеризующую и образно-оценочную функцию. Для анализа функционирования отбирались единицы, зафиксированные в речевых контекстах, что позволило проследить связь между устойчивым значением и его ситуативной реализацией.

В работе применялся комплекс методов. Метод компонентного анализа использовался для выделения семантических признаков, формирующих образную основу паремии. Контекстуально-прагматический анализ позволил установить, какие коммуникативные задачи решает говорящий, прибегая к той или иной пословице. Метод речеактового анализа дал возможность классифицировать паремии по типу совершаемого речевого действия, а метод моделирования был положен в основу построения интегративной схемы описания.

Предлагаемая коммуникативно-прагматическая модель включает пять взаимосвязанных компонентов: пропозициональное содержание (буквальный план высказывания), образную основу (переносный, обобщённый смысл), оценочную модальность (аксиологическую квалификацию обозначаемого), иллокутивную функцию (тип речевого воздействия) и адресатную направленность (ориентацию на участника общения). Такое описание позволяет рассматривать семантику паремии не статически, а как динамическую величину, зависящую от параметров коммуникативной ситуации [3].

Результаты

Проведённый анализ показал, что семантика русской пословицы имеет двухуровневую организацию. На первом уровне располагается

пропозициональное содержание – буквальное описание некоторой ситуации (например, «Куй железо, пока горячо» в прямом прочтении сообщает о свойствах нагретого металла). На втором уровне формируется образно-обобщённый смысл, который и составляет собственно значение паремии: призыв действовать своевременно. Переход от первого уровня ко второму обеспечивается механизмом образного переосмысления, при котором конкретная ситуация становится знаком целого класса однотипных положений дел [9].

Существенную роль в семантике паремии играет оценочная модальность. Подавляющее большинство проанализированных единиц содержит аксиологический компонент: они одобряют или порицают определённое поведение, квалифицируют его как правильное или ошибочное [12]. Так, пословица «Семь раз отмерь, один раз отрежь» не просто описывает порядок действий, но утверждает ценность осмотрительности; «Не плюй в колодец – пригодится воды напиться» осуждает неблагодарность и недалёковидность. Оценочность, таким образом, оказывается не факультативным, а конституирующим признаком паремийной семантики.

Ключевым результатом исследования стало выделение типовых прагматических функций, реализуемых пословицами в речи. На основании речеактового анализа были выявлены следующие основные функции: совет и рекомендация («Утро вечера мудренее»), предостережение («Цыплят по осени считают», «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь»), осуждение и нравственная санкция («На чужой каравай рот не разевай»), оправдание и аргументация («С волками жить – по-волчьи выть»), а также утешение и поддержка («Перемелется – мука будет»). Каждая из этих функций соотносится с определённым типом иллокуции и предполагает соответствующую адресатную направленность.

Интегрирующий характер модели удобно показать на отдельном примере. В пословице «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» пропозициональное содержание описывает сопоставление денежного достатка и дружеских связей; образная основа формирует обобщённый смысл о приоритете человеческих отношений над материальными благами; оценочная модальность закрепляет за дружбой положительный аксиологический статус; иллокутивная функция реализуется как совет либо как нравственное наставление; адресатная направленность ориентирует высказывание на собеседника, чья система ценностей подлежит коррекции. Совместное действие всех пяти компонентов и создаёт целостный коммуникативный смысл паремии, который не выводится из каждого из них в отдельности [7].

Прагматическая функция паремии тесно связана с её синтаксической и ритмико-композиционной организацией [11]. Императивные конструкции («Куй железо, пока горячо»; «Семь раз отмерь, один раз отрежь») предрасположены к реализации директивных актов совета и предостережения; обобщённо-личные и инфинитивные построения («Слезам горю не поможешь»; «Век живи – век

учись») тяготеют к функции констатации нравственной нормы; параллелизм, рифма и ритмическая соразмерность частей усиливают суггестивное воздействие высказывания, повышая его убедительность в аргументативном употреблении.

Отдельную группу образуют поговорки, прагматический потенциал которых связан прежде всего с экспрессивно-характеризующей функцией. Не обладая законченной нравоучительной пропозицией, такие единицы, как «как с гуся вода», «семь пятниц на неделе», «ни рыба ни мясо», встраиваются в высказывание как средство оценки лица, действия или положения дел. Их семантика реализуется не в форме самостоятельного суждения, а в составе более широкого речевого акта, усиливая его эмоционально-оценочную сторону.

Особого внимания заслуживает установленная вариативность прагматической реализации. Одна и та же паремия в разных контекстах способна выполнять разные функции. Например, выражение «Поспешишь – людей насмешишь» может звучать как предостережение (до совершения действия), как упрёк (после неудачи) и как оправдание собственной неторопливости. Это подтверждает тезис о потенциальном характере паремийной семантики: значение, закреплённое в системе языка, получает окончательное оформление лишь в акте коммуникации [6].

Обсуждение

Полученные результаты позволяют уточнить соотношение между системным и функциональным описанием паремий. Структурно-семиотический подход, при всей его объяснительной силе, описывает пословицу как единицу языкового кода и потому фиксирует её инвариантное значение [8]. Коммуникативно-прагматическая модель не отменяет этого описания, но дополняет его, показывая, каким образом инвариант преобразуется в конкретный речевой смысл. Тем самым снимается противоречие между представлением о пословице как о готовом клише и наблюдаемой в речи гибкостью её употребления.

Особое место в предложенной модели занимает оценочный компонент: именно оценка связывает языковое значение паремии с миром человека и его ценностными ориентирами [2].

Квалифицируя поведение как достойное одобрения или порицания, пословица не описывает действительность нейтрально, а соотносит её с нормативным образцом, что и обуславливает её регулятивную силу в общении.

Предложенная модель согласуется с положениями лингвокультурологического направления, в рамках которого пословица рассматривается как носитель ценностных установок этноса [1].

Оценочная модальность, выделенная в качестве обязательного компонента семантики, непосредственно связана с системой культурных смыслов: одобряя осмотрительность, трудолюбие или верность слову, паремия транслирует аксиологические приоритеты языкового сообщества. В этом отношении

коммуникативно-прагматический анализ смыкается с изучением пословичной картины мира [6].

Вместе с тем интегративный характер модели не следует переоценивать. Реализация прагматической функции в значительной степени определяется внеязыковыми факторами – статусом участников общения, их пресуппозициями, общим фондом знаний [4].

Это означает, что полное описание семантики паремии возможно лишь при учёте дискурсивных условий, выходящих за пределы собственно языковой системы.

Перспективным представляется применение модели к анализу паремий в различных типах дискурса – публицистическом, художественном, разговорном, – где их прагматический потенциал реализуется по-разному [10].

Методологическая ценность предложенного описания состоит в том, что оно соединяет семантический и функциональный планы, традиционно изучавшиеся раздельно, в рамках единой объяснительной схемы [3].

Заключение

Проведённое исследование показывает, что семантика русских пословиц и поговорок не может быть исчерпывающе описана вне условий их функционирования.

Коммуникативно-прагматическое моделирование, объединяющее пропозициональный, образный, оценочный и иллокутивный компоненты, позволяет представить значение паремии как динамическую величину, актуализирующуюся в конкретной речевой ситуации.

Выделенные прагматические функции – совет, предостережение, осуждение, оправдание и утешение – отражают основные способы использования паремий в коммуникации, а установленная вариативность их реализации подтверждает потенциальный характер паремийной семантики.

Дальнейшая разработка предложенной модели на материале различных типов дискурса представляется перспективным направлением паремиологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс): учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 312 с.
4. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.

5. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.
6. Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 160 с.
7. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–20.
8. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
9. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 2002. – 240 с.
10. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. – СПб.: ИД «МИРС», 2009. – 270 с.
11. Тарланов З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 1999. – 448 с.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.